

Н. С. Сидоренко, Н. С. Нижник

КОНСОЛИДАЦИЯ УМЕРЕННО-КОНСЕРВАТИВНЫХ СИЛ УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

N. Sidorenko, N. Nizhnik

CONSOLIDATION OF THE MODERATE-CONSERVATIVE FORCES OF THE URAL IN THE EARLY XX CENTURY

В статье раскрывается социальная основа и организационные формы объединения сторонников умеренно-консервативных сил на Урале в начале XX века.

Ключевые слова: *монархическое движение, внепартийный монархизм, наивный монархизм.*

The article reveals the social framework and the organizational forms of union supporters of moderate-conservative forces in the Urals in the early XX century.

Keywords: *monarchist movement, non-party monarchism, naïve monarchism.*

Монархические настроения разделяли значительная часть массовых слоев уральского общества начала XX в. Это было обусловлено сохранением и даже консервацией прежней сословной структуры, для которой монархический режим и традиционные институты выступали в качестве необходимых. Начало революции 1905—1907 гг. вызвало в этой среде серьезные опасения ущемлению своих интересов, усилило стремление к организационному объединению в противовес лагерю революции, выдвинувшему основным политическим лозунгом требование «Долой самодержавие». Обуздание анархии и нетерпимости, улучшение своего положения связывали они с сохранением исторических основ российской государственности, укреплением власти в центре и на местах.

Широта и разнородность социальной базы данного явления определила своеобразие форм и политической окраски промонархических объединений на Урале. Правый фланг внепартийных объединений представляли Дворянские собрания, Кружки дворян, игравшие роль своего рода приводных ремней общедворянской организации. Консервативно-либеральный центр составляли преимущественно представительные и корпоративные организации торгово-промышленного класса во главе с Советом съездов горнопромышленников Урала, различного рода патриотические объединения. Особое место занимали союзы и общества религиозной направленности, «наивный монархизм» основной массы населения — крестьянства.

«Оздоровление» экономики уральские заводо-владельцы связывали прежде всего с правительственной поддержкой. Эти обстоятельства определяли и политические ориентиры уральских промышленников — от консервативных до умеренно либеральных. В условиях Первой российской революции они поддержали преимущественно силовую линию борьбы правительства и местных властей с забастовочным и аграрным движением.

Более того, когда летом — осенью 1905 г. волна забастовочного движения на Урале поднялась на новый, более высокий уровень по сравнению с началом 1905 г., Совет съездов горнопромышленников Урала обращался в Министерство внутренних дел с просьбой о привлечении войск для подавления стачек вооруженной силой¹. Вместе с тем они не считали репрессии единственной действенной мерой в борьбе с революцией и высказывались за необходимость изменения правительственной политики по рабочему вопросу, увязки ее с созданием основ правового государства в целом, где будет открыта возможность и для рабочих и для предпринимателей на законной почве самостоятельно отстаивать свои интересы. Позицию владельцев заводов разделял и ведущий технический персонал: инженеры, техники, представители горной и заводской администрации, выразившие ее в целом ряде верноподданнических записок.

Оставаясь, преимущественно вне партий, уральские промышленники и торговцы стремились использовать для защиты своих политических и экономических интересов имевшиеся сословные и корпоративные организации. Одной из наиболее крупных и действенных являлся Съезд уральских горнозаводчиков, созданный в 1880 г.

Под воздействием революционных событий начала XX в. уральские промышленники все более вовлекались в общероссийский процесс консолидации усилий для защиты групповых интересов через Съезды представителей промышленности и торговли. С началом работы Государственной думы эта организация и ее постоянный орган — Съезд Советов — все более становились органами влияния на Думу и правительство. Уральские депутаты Государственной думы, представлявшие интересы промышленности и торговли края, активно отстаивали линию на укрепление конституционно-монархического строя в рамках Манифеста 17 октября 1905 г. и проведение курса правитель-

ственных реформ в экономической сфере, акцентируя внимание на проблемах Уральского региона².

В период нового экономического подъема Совета съездов — представительный орган уральских горнозаводчиков предпринял ряд мер по активизации их деятельности. В 1909 г. им был поставлен вопрос об участии промышленников на выборах в земства и органы городского самоуправления. В качестве основной задачи выдвигалась необходимость увеличения представительства в них для сдерживания наступления земств на интересы промышленности. С этой целью была создана специальная комиссия, закрепившая персональную ответственность отдельных лиц по уездам. Одновременно съезд принял решение направить в Сенат рапорт с изложением насущных проблем. В рапорте акцентировалось внимание на столкновении интересов промышленности в связи с проведением земствами налогового обложения и деятельностью крестьянских институтов. Правительством была создана специальная комиссия для урегулирования земельного вопроса в уральских округах. Преимущественная защита интересов заводчиков лежала в основе ее деятельности. Однако разрешение проблемы растянулось на долгие годы вплоть до 1917 г.³

Активной силой монархического движения выступило в рассматриваемый период православное уральское духовенство. Его позиция определялась, прежде всего, тем особым положением, которое занимала церковь в политической системе самодержавия, а также наличием достаточно солидной материальной базы и хорошо отлаженной организации. Союз церкви и государства имел и определенную экономическую основу. Высшее и часть приходского духовенства получали прямое государственное жалование⁴. Среди приходского духовенства существовала довольно значительная зажиточная прослойка. В ее число входило, прежде всего, городское духовенство. По уровню доходов оно фактически смыкалось с буржуазной цензовой интеллигенцией. Сельское духовенство было менее обеспеченным и по своему имущественному положению приближалось к зажиточной части деревни. Осознание зависимости своего экономического и социального положения от принадлежности к церковной организации определяли и действия всех разрядов духовенства.

Православие являлось наиболее массовым религиозным исповеданием в крае. Численность приверженцев этой религии составляла 75,7 % населения⁵. В систему ведомства православного исповедания входила целая сеть учебных заведений. В 1905 г. она — 41,4 % учебных заведений всех типов и видов. Только в приходских школах обучалось около трети всех учащихся. Несмотря на наметившуюся еще в 1905 г. тенденцию к уменьшению численности церковно-приходских школ, они все же оставались массовыми и сумели сохранить свою роль вплоть до революции 1917 г.⁶

В условиях роста революционных настроений, ослабления религиозных чувств, духовенство Урала предприняло усилия к созданию разветвленной сети различного рода союзов максимально приближенных к различным категориям населения.

В 1907—1908 гг. появляются общества Хоругвеносцев, Ревнителей Православия и другие, ставившие своей целью поддержание в народных массах приверженности православию и его основных заповедей, осуществление миссионерской деятельности. К 1914 г. только в Пермской епархии насчитывалось 25 отделов Ревнителей православия, 32 миссионерских кружка. В период 1911—1914 гг. было открыто 30 кружков любителей духовного пения и чтения, 1 кружок милосердия, 19 церковно-приходских братств и «сестричеств»⁷.

Основные направления и тактические приемы в деятельности церкви определились осенью 1905 г. одновременно с реорганизацией высшего церковного руководства. В русле принятой линии действовало и уральское духовенство. Епархиальное руководство мобилизовало на защиту самодержавия весь отлаженный аппарат своих организаций, проводя через печать и в устной агитации мысль о том, что изменение одной лишь «внешней формы государственного правления мало принесет пользы» как «простое переливание вина из одной посуды в другую не улучшит самого вина». Осуждая революционное движение как «крамолу» и «внутреннюю смуту», оно призывало обратить свои взгляды на нравственное обновление общества, на укрепление в нем религиозных начал⁸.

Следуя центральным установкам, епархиальные власти приняли меры к расширению церковных и внецерковных богослужений, усилили контроль над содержанием проповеди. На первом этапе революции в центре ее внимания было резкое осуждение «непризванных радетелей народного блага», прямое обращение к русским людям «отвращать лица наши от крамолы» и «крепко стоять в святой вере Царю и отечеству». Вместе с тем следует отметить, что священнослужители в своей массе оказались неготовыми к открытой полемической борьбе и в ряде случаев обнаруживали свою несостоятельность публично⁹. В этой связи стали интенсивно использоваться и другие каналы идеологического воздействия на народ: издание дешевой народной литературы, листовок и брошюр, расширение церковной прессы, устройство публичных чтений и т. д. Особенно широкие размеры приняла эта деятельность в 1906—1907 гг. и заключалась в стремлении действовать таким же способом, каким действовали в противном лагере и в таком количестве, в каком распространяются прокламации. В этой связи духовенством был поднят вопрос о расширении существовавших и создании новых библиотек при приходских храмах, особенно в городах. По данным отчета обер-прокурора Св. Синода в уральских епархиях в 70 % общего числа церквей имелись приходские библиотеки. За период с 1905—1907 гг. было открыто еще 120, что составило в 1906 г. — 13,7 %, в 1907 г. — 16 % от общего числа вновь открытых библиотек всех Российских церквей¹⁰.

Особое внимание уделялось уральским духовенством организации религиозно-нравственной пропаганды в рабочей среде как наиболее подверженной влиянию революционной идеологии. С этой целью духовенство использовало созданные ранее и вновь возникающие братства, союзы,

общества, объединявшие не только представителей духовенства, но и светские и военные власти, общественность. Во всех губернских, в ряде уездных городов, в заводских поселках ими были налажены курсы чтения лекций на религиозно-нравственные и общественно-политические темы. Публичные чтения проводились, как правило, по воскресным и праздничным дням с использованием церковного пения и пользовались популярностью среди простого народа.

Духовенство принимало непосредственное участие и поддерживало деятельность ряда внепартийных организаций монархической направленности, в том числе наиболее массовых, таких как «Особые комитеты содействия правительству в водворении мира и спокойствия в стране и в противодействии разрушительным стремлениям врагов Отечества», «обществах трезвости» и ряд других. С 1908 года — партийных консервативных и умеренно-консервативных комитетов — СРН, РНМП, РНС им. М. Архангела.

Отражением приверженности большинства казаков монархической идее в 1905—1907 гг. и вплоть до февральских событий 1917 г. подтверждает тот факт, что они остались верными правительству, выполняя его приказы по охране общественного порядка и пресечения революционных выступлений. Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант Я. Ф. Барабаш за отличные результаты при вызове на службу полков 2-й и 3-й очереди Оренбургского казачьего войска был отмечен Благодарностью императора¹¹.

Явление «наивного монархизма» имело широкое распространение среди уральского крестьянства. Об этом свидетельствуют опубликованные данные социологических исследований, проведенные современными методами математического и контент-анализа на основе широкого круга источников: приговоров и наказов в Государственную думу, прошений, жалоб, корреспонденций в газетах, жандармских и судебных материалов, отложившихся в центральных и местных архивах и в периодической печати. Авторы отмечают, что более чем в 70 % документов нашли отражение монархические настроения крестьян, их вера в то, что «высшим гарантом справедливости» является царь, но чиновники в корыстных целях препятствуют единению царя с народом. Все выступающие против царя характеризовались ими как бунтовщики и изменники¹². Монархические настроения разделяла и определенная часть крестьян, примкнувших к Всероссийскому крестьянскому союзу¹³.

Монархические настроения крестьянства нашли отражение в попытках морального противодействия растущему революционному движению. Нередким явлением было принятие сельскими сходами решений о высылке из своей среды наиболее активных участников революционных выступлений, стремление силой авторитета общества заставить их отказаться от антицаристских воззрений и высказываний и использования насильственных действий¹⁴.

Новый подъем патриотизма наблюдался с начала Первой мировой войны. Он также был неразрывно связан с подъемом монархических чувств и настрое-

ний. Фигура Николая II была консолидирующим символом в деле защиты родины. Сакраментальная формула «За веру, Царя и Отечество», принимаемая как своеобразный политический ритуал, была востребована ситуацией и определяла поведение массовых слоев уральского общества. Используя благоприятные факторы, местные власти всячески содействовали поддержанию в народе патриотических и верноподданнических настроений. Новые обстоятельства вызвали к жизни создание внепартийных организаций патриотического характера, в которых объединялись усилия во имя достижения победы сторонников различных политических взглядов. Так, в начале января 1915 г. в Уфе был открыт отдел «Всероссийского попечительства о раненых славянах». В конце ноября 1915 г. под председательством уфимского епископа Андрея было создано «Общество памяти воинов, павших в текущую войну», предполагавшее создание приютов, богаделен, музеев и т. д. В Вятской губернии было создано «Общество помощи семьям запасных», насчитывавшее до 4 тыс. членов; был открыт первый в России Дом инвалидов, оборудован санитарный поезд¹⁵.

Умеренный консерватизм, связанный с монархической идеей, явился существенным фактором общественно-политической жизни, определяя социальную активность и поведение значительных социальных групп общества, ориентировавшихся на сохранение основ существующего строя и видевших возможность эволюционного развития общества и государства в рамках исторически сложившейся формы государства. Монархическое движение на Урале оказалось устойчивым вплоть до Февральской революции. В последующий период Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной интервенции оно претерпело идейную и организационную эволюцию, сохраняло проявление вплоть до начала 20-х годов XX в.

Примечания

1. Материалы к истории русской контрреволюции. — СПб., 1908. — Т. 1. — С. IX—XI, Революционное движение в России весной и летом 1905 г. — М., 1961. — Ч. 2. — Кн. 1. — С. 20—21.
2. Шепелев Л. Е. Проблемы развития промышленности и рабочий вопрос в России в 1904—1914 гг. // Реформы или революция?: Россия, 1861—1917: матер. междунар. коллоквиум историков. — СПб., 1992. — С. 224.
3. РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 478. Л. 26—26об., 31об—32.
4. На Урале служащие 44,7 % причтов получали государственное жалованье. См. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного вероисповедания за 1905—1907 гг. — СПб., 1910. — С. 100—102.
5. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — Т. 14. — СПб., 1892 — С. 735; ; Там же. — Т. 45. — С. 331; Там же. — Т. 69. — С. 221.
6. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода... — С. 208—211, 224—227.
7. Князева О. Р. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Пермской губернии в условиях вероисповедной свободы 1905—1917 гг. // Исторические чтения: мат-лы науч. конф. Центра историко-культурного наследия г. Челябинска. — Челябинск, 2004. — Вып. 7—8. — С. 62.

8. Оренбургские епархиальные ведомости. — 1907. — № 5. — С. 66—67.

9. Пермские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. — 1906. — С. 551.

10. Пермские епархиальные ведомости. — 1906. — № 14. — С. 263, 618. Подсчет наш.

11. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 235. Д. 4. Ч. 6. Л. 156; Пермские губернские ведомости. — 1906. — 8, 17 февр.; Оренбургская газета. — 1906. — 21 февр.

12. Бородин Л.И., Кирьянов И.К. Структура политического сознания крестьянства в годы первой россий-

ской революции. (Опыт применения контекст-анализа и ЭВМ на материалах уральских губерний) // Математические методы изучения массовых источников : сб. научных трудов. — М. : АН СССР Ин-т истории СССР, 1989. — С. 137—157.

13. ГАКО. Ф. 714. Д. 53. Л. 367, Д. 42. Л. 46.

14. ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 340. Л. 187; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1907 г. — Вятка, 1907. — С. 84 и др.

15. Церковный вестник. — 1906. — 12 янв. — С. 53; Оренбургские епархиальные ведомости. — 1905. — № 21. — С. 700—704 и др.

Поступила в редакцию 11 февраля 2012 г.

СИДОРЕНКО Надежда Семеновна, докт. ист. наук, профессор, завкафедрой отечественной истории и методики преподавания истории, Челябинский государственный педагогический университет. E-mail: sidorenkons@rambler.ru

SIDORENKO Nadezhda Semenovna, doctor of historical sciences, professor, head of the national history and methods of teaching the history chair of Chelyabinsk State Pedagogical University. E-mail: sidorenkons@rambler.ru

НИЖНИК Надежда Степановна, докт. юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства, Санкт-Петербургский государственный университет МВД России. E-mail: n.nishnik@bk.ru

NIZHNIK Nadezhda Ivanovna, Doctor of Law, Professor of Theory and History of Law chair of Petersburg State University of Russian Ministry of Internal Affairs state. E-mail: n.nishnik@bk.ru